

*

Рассмотренные сборники представляют несомненный интерес, так как вводят в научный оборот большое количество новых, и притом самых разнообразных, археологических материалов. Особое значение имеет исследование раннеславянских памятников, в первую очередь культуры полей погребений. Правильно намечена задача отыскать славянские памятники V—VIII вв., которые заполнили бы белое пятно в истории развития славянской культуры от антов до Киевской Руси. Широко поставлено изучение древнерусских городов.

Следует также всемерно приветствовать стремление украинских археологов глубже изучать культуру местного населения Причерноморья в античную эпоху. Особо важное значение имеет открытие памятников нижнего палеолита на Украине, что расширяет представление о распространении этой культуры на территории СССР.

По типу издания «Археологические памятники УССР» напоминают «Краткие сообщения», каковыми они, по нашему мнению, и должны быть. Институту археологии следует отказаться от издания толстых, громоздких сборников, в которых результаты экспедиций публикуются лишь через 3—4 года, и перейти к выпуску меньших по объему, но чаще выходящих кратких сообщений, которые более оперативно отражали бы текущую научную жизнь археологов Украины.

Главным недостатком рассмотренных сборников является отсутствие в них статей по теоретическим вопросам марксистско-ленинской исторической науки и отсутствие борьбы за поднятие идейного уровня работы археологов Украины.

Сама публикация памятников в сборниках производится в общем удовлетворительно, хотя здесь необходимо указать ряд недостатков. Не все отчеты снабжены иллюстрациями. Некоторые авторы не дают точных указаний относительно местонахождения вновь открытых памятников. Особенно опутительно отсутствие карт-схем.

Неудовлетворительно составлены многие резюме на русском языке. Этому вопросу редакция явно не уделила должного внимания. Зачастую резюме неточно передают содержание статей. Так, например, в статье Ф. Копылова говорится об исследовании ранее известных городищ Монастырища и др., а в резюме эти городища фигурируют среди вновь открытых памятников (т. I, стр. 253). Иногда в резюме можно найти положения, которых автор в данной статье не высказывал (см. например, резюме к статье М. Воеводского, т. I, стр. 110). Часто резюме ограничиваются лишь пересказом фактического материала и не включают теоретических обобщений, имеющих в статьях, что уже совершенно недопустимо.

Нам представляется также, что вряд ли является целесообразным печатание сообщений, ранее опубликованных в других изданиях, хотя бы и в измененном виде.

В заключение следует пожелать, чтобы Издательство АН Украинской ССР уделяло больше внимания внешнему оформлению издаваемых сборников, которое заставляет желать лучшего.

А. Н. Москаленко

ТРУДЫ МУЗЕЯ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА¹

Выдающееся значение археологических открытий на территории Азербайджанской ССР хорошо известно. На основании новооткрытых археологических материалов можно в известной степени реконструировать главные этапы богатой и яркой истории культуры древнего Азербайджана. Начатое с большой интенсивностью после Великой Октябрьской социалистической революции изучение памятников Азербайджана достигло серьезных успехов. Надо, однако, сказать, что с публикацией новых материалов и отчетов

¹ «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, 158 стр.; Е. А. П а - х о м о в, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. V, Баку, 1949, 63 стр. + 5 карт, Изд-во АН Азербайджанской ССР.

об археологических экспедициях дело обстоит далеко не блестяще. Особенно это относится к печатной продукции послевоенного времени. О замечательных раскопках в Мингечауре до сих пор имеются лишь довольно краткие отчеты в изданиях АН Азербайджанской ССР. То же можно сказать и о других археологических открытиях. Научные издания республики в общем уделяют очень мало места археологическим работам.

Тем более следует отметить начатую Музеем истории Азербайджана публикацию трудов своих научных сотрудников. Этот Музей, основанный в 1920 г., накопил большое количество ценных и примечательных экспонатов, хранящихся в археологическом, историческом и этнографическом фондах. Музеем систематически проводятся археологические экспедиции. Особо надо упомянуть о том, что за последнее десятилетие Музей вел археологическое обследование замечательного могильного поля в Мингечауре, давшее столь блистательные результаты. Кроме того, проводились раскопки близ селения Варданлы, Варташанского района, где были обнаружены групповые погребения эпохи поздней бронзы и железа. Музеем велись также археологические работы на городище Кабалы, в древней части города Баку (крепость в районе дворца Ширваншахов), на городище Старая Ганджа — родине великого азербайджанского поэта Низами Ганджеви.

В целях ознакомления с результатами экспедиционных работ и изучения хранящихся фондов Музей предпринял издание специальных сборников под общим заголовком «Материальная культура Азербайджана». Рецензируемый первый выпуск нового издания содержит, кроме предисловия, семь статей научных сотрудников Музея — С. М. Казиева, проф. Е. А. Пахомова, Н. В. Минкевич-Мустафаевой, В. Н. Левиатова и З. А. Кильчевской. Особый интерес представляют статьи, посвященные раскопкам в Мингечауре (недалеко от гор. Евлаха). Начальник археологической экспедиции в Мингечауре С. М. Казиев опубликовал две статьи (на русском и на азербайджанском языках) о проведенных археологических исследованиях; научный сотрудник экспедиции Н. В. Минкевич-Мустафаева напечатала отчет о раскопках в Мингечауре в 1941 г. В своей первой статье — «Археологические раскопки в Мингечауре» (стр. 9—49), посвящей обобщающий характер, С. М. Казиев прежде всего отмечает крупнейшее значение памятников древнего Азербайджана, находящегося на скрещении широких путей, связывающих цивилизации Европы и Азии, Запада и Востока. Бегло и очень кратко сказано об археологическом изучении Азербайджана. Из русских ученых XIX в. и начала XX в. названы М. В. (в сборнике ошибочно напечатано М. Н.) Никольский и А. А. Ивановский. Надо было упомянуть и акад. Б. А. Тураева, который постоянно указывал на огромное значение кавказских древностей. Совершенно бездоказательно сказано, что в изучении древнего Кавказа, в том числе и Азербайджана, много сделано акад. Н. Я. Марром. Достаточно неожиданным является наименование акад. И. И. Мещанинова «основателем азербайджанской школы археологов» (стр. 10).

Далее автор переходит к описанию самих мингечаурских памятников. С. М. Казиев указывает, что на мингечаурские археологические памятники обращали внимание еще археологи-любители второй половины прошлого века, но что глубокое и всестороннее изучение мингечаурских памятников было начато с 1935 г. Аз. ФАН СССР. Особо широкий размах раскопки приняли в послевоенные годы (с 1946 г.), в связи со строительством крупнейшего сооружения послевоенной Сталинской пятилетки — Мингечаурской ГЭС. С 1 апреля 1946 г. по 1 января 1948 г. вскрыто более 650 погребений; добыто свыше 7500 различных предметов, представляющих большую историческую ценность.

Переходя к характеристике результатов раскопок и обнаруженного материала, С. М. Казиев устанавливает на территории Мингечаура восемь типов погребений, места гончарных мастерских и средневековых поселений. На правом берегу р. Куры, у подошвы г. Казанлыдаг расположено обширное могильное поле — своеобразный некрополь, границы которого установлены пока в общих чертах. К сожалению, автор не уточняет, в каких же «общих чертах» эти границы в настоящее время установлены. В наиболее глубоких слоях некрополя Мингечаура обнаружены грунтовые

могилы с костяками в сильно скорченном положении. Скелеты лежат в основном на левом боку, ориентированы головой на северо-запад, ногами — на юго-восток. Инвентарь, сопровождающий эти погребения, принадлежит к Ходжалы-Кедабекскому типу. Обнаруженные сосуды — преимущественно черного цвета, круглодонные, широкобокие. Встречаются глубокие чаши, называемые по-азербайджански «бадья». Оружие представлено бронзовыми мечами, топорами-секирами и ножами Ходжалы-Кедабекского типа. Обнаруженные памятники С. М. Казиев датирует, вслед за акад. И. И. Мещаниновым, началом I тысячелетия до н. э.

Вторым типом могильных погребений является захоронение в грунтовых могилах костяков, также сильно скорченных, но с иным погребальным обрядом и инвентарем. С. М. Казиев называет их погребениями типа Варданлы. Сосуды, найденные в этих погребениях, довольно разнообразны, но в основном круглотелые. Среди сосудов в могилах обнаружены: маслобойки, глиняные парные таганки, жаровни; очень любопытна глиняная модель жилища на колесах. В инвентаре богато представлены различного рода бронзовые украшения, в том числе подвески в виде оленей, птичек и колокольчиков с цепочками. Бусы сделаны из сердолика, яшмы, бронзы, пасты и раковин (каури). Из оружия следует отметить бронзовые кинжалы, ножи с приподнятыми концами. Наконечники стрел из бронзы встречаются редко, чаще они сделаны из обсидиана и яшмы. Железное оружие также встречается редко и дешло до нас в плохой сохранности. Датируются эти погребения IX—VII вв. до н. э.

На Мингечаурском могильном поле зафиксированы курганы. С. М. Казиев, не уточняя их количества, говорит о результатах обследования четырех курганов. Особый интерес представляют три кургана, где обнаружены скелеты лошадей с остатками сбруи и бронзовыми украшениями, бронзовые удила, нагрудные бронзовые украшения, наконечники жезлов и др. В курганах найдены также скелеты крупного и мелкого рогатого скота. Животные были украшены бронзой, бусами, бисером. Керамика представлена сосудами изящной и сложной формы (например, сосуд серого цвета в виде горного голубя и др.). В одном из курганов обнаружено золотое кольцо. В середине четвертого кургана найдено много золы и углей; по мнению С. М. Казиева, это — остатки большого костра, который, возможно, являлся жертвенником. С. М. Казиев замечает, что богатство инвентаря в курганах свидетельствует о том, что они являлись могилами племенных вождей, знати и жрецов (? — И. Б.) конца бронзового и начала железного века. От более точной хронологической датировки С. М. Казиев воздерживается, хотя наличие определенного скифского погребального обряда (захоронение лошадей в конской сбруе) дает возможность сделать соответствующие выводы.

Исключительный интерес представляет новый тип грунтовых погребений, содержащих захоронение костяков в вытянутом положении, лежащих на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль туловища руками. Встречаются могилы двух типов: погребения, прикрытые большими камнями, и погребения без каменного прикрытия. Инвентарь погребений богат и разнообразен. Из сосудов следует отметить каменные с серебряной инкрустацией. Обильно представлены различные украшения: золотые, серебряные и бронзовые серьги, широкие бронзовые пояса с изображением животных, бронзовые зеркала, ручки которых изображают животных, бусы разных размеров и форм из сердолика, граната и др. Весьма примечательны встречающиеся в погребениях литые перстни-печати с изображениями людей и животных. Чрезвычайно любопытен и набор оружия из бронзы и железа: мечи, кинжалы с костяными и деревянными рукоятками, боевые бронзовые вилы, булавы, копья. Найден короткий железный меч с бронзовой рукояткой. Весьма характерно для этих погребений большое количество наконечников стрел, преимущественно «скифского» типа. Эти наконечники встречаются группами, иногда более 40. Формы наконечников весьма разнообразны. Кроме двуперых, снабженных согнутым шипом, встречаются трехгранные, отличающиеся друг от друга размерами и формами граней. Среди этих погребений выделяются погребения с очень большими скелетами (1 м 75 см, 2 м 5 см и 2 м 15 см), с оружием: мечом, копьем, кинжалом, булавой и наконечниками стрел. Подобного рода погребения, как и значительное количество обнаруженных украшений и оружия скифского

типа, наглядно и убедительно свидетельствуют о наличии скифских элементов в Мингечаурском могильнике.

Погребения с вытянутыми костяками С. М. Казиев датирует VII—V вв. до н. э., относя их к «мидийской эпохе». Надо сказать, что само понятие «мидийская эпоха» требует особого внимания. Ставшая ходячим выражением пресловутая фраза из старого учебника истории: «история мидян темна и непонятна», долгое время в известной степени была недалеко от истины. Еще в 1890 г. известный чешский историк Прашек писал: «К труднейшим вопросам в области истории древнего мира относится история Мидии, наследницы могучего Ассирийского государства и предшественницы Персидского мирового государства». За последнее время изучение истории Мидии продвинулось вперед, благодаря новейшим археологическим раскопкам. Азербайджанский археологический материал тут может сыграть существенную роль. Однако некоторые азербайджанские ученые впадают в крайность, слишком прямолинейно конструируя историю Мидии. Здесь какие-либо категорические выводы преждевременны. С. М. Казиев полагает, что мингечаурские находки впервые дают указания на связь с эпохой Мидии (стр. 29). Характерными для материальной культуры мидийской эпохи он считает бронзовые мечи с раструбом, особый тип сосудов, печати (стр. 47). Надо надеяться, что в подробной публикации о раскопках в Мингечауре С. М. Казиев даст обоснование высказанных им положений.

Погребения с вытянутыми костяками сменяются на Мингечаурском поле грунтовыми погребениями со слабо скорченными костяками. В инвентаре этих могил обильно представлена и керамика, свидетельствующая о значительном уровне гончарного мастерства. Среди находимых в этих погребениях предметов встречаются сосуды зооморфные, вазообразные, узкодонные кувшинчики и др. Оружие, найденное в мужских погребениях, сделано из железа, за исключением бронзовых наконечников стрел крылатой формы. В могилах обнаружены литые перстни-печати с различными изображениями, напоминающие аналогичные печати предшествующего типа погребений. Грунтовые могилы со слабо скорченными скелетами С. М. Казиев датирует V—III вв. до н. э., причем относит их к «Ахеменидской эпохе» (стр. 29). Однако на стр. 43 он дает датировку IV—III вв. до н. э., причем попрежнему считает обнаруженную культуру «синхронной Ахеменидской эпохе» (стр. 45). Вряд ли можно согласовать определение «Ахеменидская эпоха» с датировкой IV—III вв. до н. э. Сам же автор указывает на сходство сосудов, обнаруженных в погребениях, с сосудами эллинистического типа. Возможно, что более правильным было бы говорить об эпохе эллинизма, а вовсе не об Ахеменидской эпохе, которая никак не укладывается в рамки IV—III вв. до н. э.

Грунтовые могилы со слабо скорченными костяками уступают место кувшинным погребениям, занимающим на Мингечаурском могильном поле огромный участок на правом берегу р. Куры. Обнаружены погребальные кувшины различных размеров. В маленьких кувшинах (высотой от 45 см до 1 м) хоронились дети. В больших кувшинах без ручек (размером от 1 м 20 см до 2 м 5 см высотой и 80 см шириной) погребались взрослые мужчины и женщины. Все погребальные кувшины ориентированы в основном, с северо-запада (горловиной) на юго-восток (дном). Скелеты большей частью лежали на левом боку, но иногда и на правом. Вокруг и внутри погребального кувшина размещались кувшины разных типов и размеров. Около погребального кувшина помещались также сосуды больших размеров, содержащие кости крупного и мелкого рогатого скота. Кувшины с женскими захоронениями содержат большое количество различных украшений: бусы из стекловидной массы, серы, яшмы, сердолика, шейные обручи и огромное количество ручных и ножных браслетов (иногда по 36 и 42 ножных браслета на одном костяке). С. М. Казиев считает, что браслетам придавалось какое-то культурно-ритуальное значение. В мужских погребениях обнаружено оружие, в основном из железа: мечи, кинжалы, копья, ножи. Широкоперые наконечники стрел сделаны из бронзы. В кувшинных погребениях встречается крашенная керамика с изображениями птиц, растений и с геометрическим орнаментом. В одном из погребений был найден ритон. К сожалению, С. М. Казиев запутался в датировке кувшинных погребений. На протяжении своей статьи он дает ряд противоречивых датировок. Так, на стр. 29 он

относит кувшинные погребения к I в. до н. э. На той же странице, но несколько ниже, он датирует их I в. до н. э. и I в. н. э. Однако на стр. 36 автор заявляет, что, поскольку в кувшинных погребениях нет монетных находок, он относит их предположительно ко «времени ранее I в. до н. э.». И, наконец, на стр. 45 культура кувшинных погребений отнесена к «первым векам до н. э.». Подобная путаница, отнюдь не являющаяся украшением статьи, не исправлена и редактором по той простой причине, что редактором сборника является сам С. М. Казиев. Надо сказать, что весной 1948 г. в Мингечауре, на левом берегу р. Куры, при раскопках Г. И. Ионе, внутри одного погребального кувшина была найдена серебряная аршакидская драхма Фраата IV (38—3 гг. до н.э.)¹.

Последующим типом Мингечаурских погребений были обнаруженные на левом берегу р. Куры погребения в деревянной обкладке из толстых бревен арчана; бревна, соединенные друг с другом наподобие сруба, представляли собой своеобразный гроб. Труп помещался в скорченном виде, головой на юго-восток. Инвентарь этого рода погребений содержит сосуды из стекла, мелкие чаши, серебряные пряжки, золотые серьги со вставками из камней, серебряные ложки, перстни, бусы, римские и аршакидские серебряные монеты. Эти погребения С. М. Казиев датирует очень общо—римской и парфянской эпохами.

Наконец, последним типом захоронений в Мингечауре были обнаруженные на правом берегу р. Куры грунтовые могилы с вытянутыми скелетами, лежащими на спине. Могилы очень бедны инвентарем. Глиняной посуды пока не найдено. Из вскрытого десятка с лишним могил лишь в трех обнаружены бронзовые и железные украшения (поясные пряжки, фибулы) и в одном случае маленький железный нож. В датировке этих погребений С. М. Казиев также проявил неустойчивость. На стр. 42 он датирует эти могилы II—IV вв. н. э., а на стр. 46 относит их к III—VI вв. н. э.—к сасанидскому времени.

Уделив видное внимание Мингечаурским погребениям, С. М. Казиев кратко упоминает об обнаруженных на левом берегу р. Куры следах жилья. Здесь найдены большие хозяйственные кувшины с остатками зерна, зернотерки, железные орудия, модель жилища. На могильном поле встречен был целый ряд «обжигательных печей», среди которых имелись печи особой конструкции, предназначенные, повидимому, для плавки металла. В некоторых же печах, как можно предположить, готовилась пища для поминок. В заключение С. М. Казиев делает попытку подвести некоторые итоги изучения Мингечаурского могильника. Автор совершенно правильно отмечает, что Мингечаурский комплекс памятников, как и известный Самтаврский могильник, дает исключительный по своему значению, первоклассный материал для изучения стратиграфии, последовательности определенных археологических комплексов и установления хронологических датировок, касающихся древней истории всего Закавказья. Надо все же сказать, что сам автор статьи не всегда справляется с добытым материалом и недостаточно четко датирует находки. В некоторых же случаях (датировка кувшинных погребений) он совершенно сам себя запутывает. Довольно элементарны попытки характеристики хозяйственного облика обнаруженных культур. Надо особо отметить, что статья С. М. Казиева обильно иллюстрирована.

Во второй статье, опубликованной на азербайджанском языке, С. М. Казиев, после краткого обзора археологических работ в Мингечауре в 1935—1939 гг., останавливается на раскопках 1941 г. Нельзя не сказать попутно, что чрезвычайно краткое резюме этой статьи на русском языке составлено в самых общих чертах и совершенно не знакомит с ее основным конкретным содержанием.

Наконец, третья статья Мингечаурского цикла принадлежит Н. В. Минкевич-Мустафаевой, которая представила отчетную разработку дневников раскопок 1941 г. на порученных ей участках. От общих выводов она воздерживается, хотя по вопросу о датировке кувшинных погребений высказывает мнение, что они существовали и в первые века н. э. Здесь Н. В. Минкевич-Мустафаева расходится с датировками С. М. Казиева.

¹ См. Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. V, стр. 20.

Кроме основных статей о мингечаурских раскопках, древней истории Азербайджана посвящены статьи Н. В. Минкевич-Мустафаевой — «Об археологических находках из сел. Долаанлар» и проф. Е. А. Пахомова — «Доисламские печати и резные камни». Н. В. Минкевич-Мустафаева дает описание бронзовых и железных предметов, найденных крестьянами селения Долаанлар (Нагорный Карабах) и доставленных ими в Музей истории Азербайджана. Находки эти представляют значительный интерес. И потому нельзя не поставить в упрек дирекции Музея, что она не произвела тщательных исследований на месте нахождения предметов. Ссылка на то, что этнографической экспедиции 1933 г. было поручено в порядке дополнительной нагрузки выявить характер археологических памятников близ селения Долаанлар и что разведочные раскопки, произведенные на месте, где копали крестьяне, дали несколько бусин из бронзы, пасты и кости, вряд ли может быть признана убедительной. «Бусинами» ограничиваться было нельзя, а следовало направить специальную археологическую разведочную экспедицию. Ввиду отсутствия данных о характере погребений, где были обнаружены предметы, они расклассифицированы в статье по характеру изделий. Бронза представлена браслетами, кольцами, серьгами, бусами, подвесками, зеркальцами, застежками, височными обручами, массивной шейной гривной, удилами, наперьями. Железо представлено ножами. Среди описанных памятников особое внимание привлекает бронзовое украшение, представляющее фигурку оленя с двумя головками. К фигурке прикреплено 11 испочек, заканчивающихся ажурными подвесками. Автор статьи находит аналогию фигурки оленя в изображениях двухголовых фигурок на бронзовых поясах из Кедабека и Калакента. Минкевич-Мустафаева при этом ссылается на известный труд проф. Б. В. Фармаковского «Архаический период в России»¹.

Проф. Е. А. Пахомов тщательно и детально описывает доисламские печати и резные камни, хранящиеся в Музее. Предметы эти относятся к эллинистическому, эллинистическо-римскому, аршакидскому, ранне- и позднесасанидскому периодам. Автор фиксирует внимание на двух камнях из халкедона, на которых изображен рисунок, состоящий из трех вертикалей, пересеченных горизонтально. Этот своеобразный рисунок вызвал различные толкования в научной литературе. Автор, специально занявшийся этими резными камнями, высказывает предположение, что они относятся к сасанидскому времени и служили знаком принадлежности их носителей к какой-то определенной группе тогдашнего албанского общества.

Статьи В. Н. Левиатова «Археологические раскопки близ дворца Ширваншахов в Баку» и З. А. Кильчевской «Азербайджанские вышивки XIX в.» выходят за пределы древней истории. Надо, однако, упомянуть, что З. А. Кильчевская указывает на широкое применение в вышивках и других видах прикладного искусства азербайджанского народа того орнамента из треугольников и ромбов в различном сочетании, который встречается на посуде из древних курганных погребений.

В сборнике помещено много иллюстраций, но не все рисунки вышли отчетливо. Не может не вызвать возражения крайне малый тираж издания — 800 экземпляров.

Наряду с I томом сборника «Материальная культура Азербайджана», в том же 1949 г. Музей опубликовал пятый выпуск труда Е. А. Пахомова «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа». Этот Согрус весьма компетентного археолога и нумизмата, знатока кавказских древностей, хорошо известен специалистам. Выпуск IV был оформлен перед началом Великой отечественной войны. Теперь, после перерыва, вышел в свет выпуск V, содержащий описание 210 новых номеров. Большое значение имеют приложенные карты Азербайджана, на которых показано распределение монетных находок по различным видам монет. На первой карте помещены находки в Азербайджанской ССР монет IV в. до н. э. — VII в. н. э. Новый выпуск, как и предыдущие, составлен чрезвычайно тщательно, дает исчерпывающие указания. Под № 1332 зафиксирован найденный в Грузинской ССР золотой стагер эллинистического времени, подражающий типу Лисимаха, но с заменой имени

¹ В сборнике (стр. 65) вместо «Архаический» напечатано «Археологический».

последнего словом «АКОУ». Эта находка, особенно вопрос о паре Аке, вызвали большой интерес среди нумизматов и историков. На страницах ВДИ были опубликованы на эту тему статьи Д. Г. Капанадзе (1948, № 1) и Л. П. Харко (1948, № 2).

Приветствуя почин Музея истории Азербайджана, надо пожелать ему с большей энергией и интенсивностью публиковать свои труды, вызывая на соревнование и другие научные учреждения Азербайджана.

Проф. И. Н. Бороздин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАДЖИКИСТАНА

(Библиографический обзор)

В декабре 1949 г. таджикский народ праздновал двадцатилетний юбилей своей республики. В минимальный срок Таджикистан сделал гигантский шаг вперед по пути общественно-экономического развития, превратившись из вотчины бухарского эмира и его феодального окружения в цветущую социалистическую республику с передовым сельским хозяйством и развитой промышленностью. За истекшие годы Таджикская ССР пережила также колоссальные изменения и в культурном отношении, результатом чего явился рост интереса широких кругов таджикского народа к истории своей страны. «Таджики имеют богатую историю», — писал еще четверть века назад товарищ Сталин. Ценность археологии «для изучения древнего периода и других периодов истории таджиков и Таджикистана» особо отметил в своем выступлении на первой сессии Тадж. ФАН СССР т. Гафуров.

Дореволюционные русские ученые, и в первую очередь акад. В. В. Бартольд, заложивший фундамент наших знаний по истории Средней Азии, сделали весьма немногое с точки зрения археологического изучения территории современного Таджикистана. В царское время здесь ни разу не производилось научных раскопок, а имевшие место находки частью пропадали для науки или какими-то тайными каналами переправлялись за границу, как это, например, случилось с найденным возле древнего Кабадиана (совр. Микоянабад) Аму-дарьинским кладом, состоящим из памятников искусства предков таджиков — древних бактрийцев. Да иначе и не могло быть в стране, где народные массы, почти поголовно безграмотные, не понимали ценности археологических находок, а местным властям было мало дела до истории культуры таджикского народа. Плохо обстояло дело и с регистрацией наземных памятников, описание которых производилось в основном не специалистами, а путешественниками, иногда из числа географов и естествоиспытателей (например, А. П. Федченко), но чаще — из военных и гражданских чиновников (Д. Н. Логофет и т. п.).

Как, однако, ни несовершенно оставленное нам дореволюционными русскими исследователями наследство, пройти мимо него не вправе ни один археолог, желающий заняться изучением Средней Азии и, в частности, Таджикистана. Уже из данных, добытых этими исследователями, можно было сделать вывод о высокой культуре некоторых районов современного Таджикистана в глубокой древности. Именно такой вывод мы находим в ряде работ лучших представителей дореволюционной науки и, прежде всего, в работах акад. В. В. Бартольда.

Великий Октябрь в корне изменил подход к науке вообще, к исторической науке и археологии, в частности. Изучение истории культуры народов Средней Азии, в том числе и таджикского народа, которое раньше было занятием узкой группы ученых и небольшого числа членов Туркестанского кружка любителей археологии, «находящегося под высоким покровительством» царского генерал-губернатора, превратилось в работу государственного значения, имеющую целью помочь освобожденным среднеазиатским народам строить свою, национальную по форме и социалистическую по содержанию, культуру.